

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

ДЕТЕКТИВЫ НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы Змей»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Танец семи вуалей»
- ✓ «Все совпадения неслучайны»
- ✓ «Не бойся глубины»
- ✓ «Дневник сорной травы»
- ✓ «Полуденный демон»
- ✓ «В горах ближе к небу»
- ✓ «В храме Солнца деревья золотые»
- ✓ «Следы богов»
- ✓ «Легкие шаги в Океане»
- ✓ «Натюрморт с серебряной вазой»
- ✓ «Шулер с бубновым тузом»
- ✓ «Джоконда и Паяц»
- ✓ «Венера Челлини»
- ✓ «Сокровище Китеж-града»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Третье рождение Феникса»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Черная жемчужина императора»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Монета желаний»
- ✓ «Магия венецианского стекла»
- ✓ «Загадка последнего Сфинкса»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой идол Огнебога»
- ✓ «Часы королевского астролога»
- ✓ «Дарец Лунной Девы»
- ✓ «Золото скифов»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Звезда Вавилона»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный лев друидов»

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

ДЖОКОНДА
И ПЯЦ

ЖУ
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
С60

Иллюстрации по тексту художника
Татьяны Марковцевой (feeltheline.com)

Компьютерный дизайн обложки
Орлова Анастасия

Солнцева, Наталья

С60 Джоконда и Паяц: [роман] / Наталья Солнцева. — Москва: АСТ, 2014. — 350, [2] с.

ISBN 978-5-17-085662-6 (АСТ)

Время, как разочаровавшийся в себе творец, неумолимо уничтожает женскую красоту... А женщины любыми способами пытаются ее спасти. Так было и будет всегда. И если возникает хоть малейшая возможность удержать время и увековечить свою красоту, женщины согласны на все. Их не страшит даже смерть.

Какая выдумка, что все модели известных художников умирали рано! Что отдав своей копии на холсте всю жизненную энергию они тихо угасали.

Красавица Алина уверена, что она сможет стать второй Джокондой, затмить своей красотой портрет близкой подруги, вернуть обожание мужа. Ведь художник дьявольски талантлив, она необычайно хороша собой, а влюбленный мужчина ревнует и прощает смерть, если она вдруг решится позировать.

Чушь и предрассудки... Если бы не странная смерть предыдущей натурщицы известного художника.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Солнцева Н., 2014
© ООО «Издательство АСТ»

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь — это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Бойтесь кисти живописца —
его портрет может оказаться
более живым, чем оригинал.

*Агриппа Неттесгеймский*¹

~ ГЛАВА 1 ~

Она оперлась на подоконник и свесилась через окно на улицу. В лицо пахнуло сыростью. Далеко внизу виднелся серый квадрат асфальта, обрамленный газонами. Двое подростков в ярких курточках брели в обнимку по пешеходной дорожке.

Ее сердце не замерло от страшного предчувствия, не забилося тревожно.

Она много выпила, голова слегка кружилась. Влюбленная парочка показалась ей смешной и трогательной. С высоты восьмого этажа парень и девушка выглядели маленькими, беззащитными. Она напрягала зрение, пытаясь разглядеть на асфальте крохотную блестящую точку.

— Ничего не видно...

Она наклонилась ниже, еще ниже. Не надо было класть дорогую вещицу на окно. Нечаянно смахнуть украшение с подоконника — раз плюнуть. Золотой браслет подарил ей поклонник. У них намечался роман.

Подростки остановились и принялись целоваться. Жалко, если они заметят браслет и подберут. Они своего не упустят.

¹ Агриппа Неттесгеймский (1486–1535) — ученый, алхимик, писатель, врач, философ, астролог.

— Эй! — крикнула она и помахала им рукой.

Они не услышали, продолжая тискаться. Им сейчас не до нее и не до браслета. Пока что.

Она наклонилась сильнее, словно надеялась увидеть внизу то, что увидеть было невозможно. Будь она не навеселе, сообразила бы, что это опасно.

Сзади надвинулось что-то темное и неумолимое, дохнуло холодом, словно сквозняк ударил ей в спину.

Она не успела понять, как потеряла равновесие и полетела вниз головой, отчаянно размахивая руками, словно они могли стать крыльями и удержать ее в воздухе, хотя бы замедлить падение. Из ее горла вырвался пронзительный крик, исполненный ужаса. Остро блеснул солнечный луч, отрезая ее от света и жизни, — удар! — и все погрузилось во мрак и тишину...

Подростки, не разнимая объятий, посмотрели в ту сторону, откуда раздался крик.

— Ой, кажется, кто-то упал! — воскликнула девушка.

— Бежим, — кивнул парень, хватая ее за руку. — Скорее. Может, помощь нужна.

На асфальте, раскинувшись, лежало тело женщины, похожее на тряпичную куклу. Красивую, но теперь уже негодную и безнадежно поломанную. Синий атласный халатик, в который она была одета, задрался. Под головой куклы растекалось густое красное пятно, длинные золотистые волосы разметались и там, где подтекала кровь, слиплись.

Девушка прижала ладонь ко рту. От того, что она увидела, у нее потемнело в глазах. Парень посмотрел вверх и заметил раскрытое настежь окно на восьмом этаже.

— Это же Ольга! Я ее не узнал... она модель. Помнишь, я тебе ее показывал на обложке журнала?

Кто-то прошел мимо, кто-то присоединился к подросткам. Вокруг мертвого тела собирались зеваки. Подросток дернул свою подружку за рукав.

— Идем отсюда, — прошептал он. — А то менты приедут, пристанут с вопросами.

— Ты с ней знаком? — спросила девушка, уставившись на покойницу.

— Она год назад переехала. Квартиру сняла в нашем доме.

Люди судачили, что могло произойти, жалели погибшую. Подходили любопытные, спрашивали, что случилось, жадно разглядывали труп в луже крови.

— Ох, беда какая...

— Молодая совсем...

— Жить бы да жить...

— Наверное, наркоманка! — сердито произнесла пожилая дама с собачкой на поводке. — Они колются, а когда денег достать не могут, из окон сигают.

На нее зашикали. Собачка поджала хвост и громко заскулила. Кто-то вызывал по телефону «неотложку», кто-то — полицию.

Парень и девушка, которые обнаружили тело, решили тихо ретироваться.

— Подожди, у меня шнурок развязался... — подросток наклонился и поправил шнурки на кедах. Рядом в траве сверкнула желтая искорка. Паренек протянул руку и нащупал что-то твердое.

— Че это?

— Браслет, — догадалась девушка. — Дай-ка сюда. Ого! Классный.

— Может, это ее? — кивнул он в сторону зевак, которые обступили место происшествия. — Далекотлетел.

— Ей уже не понадобится.

С этими словами девушка сунула находку в карман...

Москва. Два месяца спустя

— Привет, старик! — высокий элегантный брюнет поднялся со стула и обнял тщедушного мужчину, который едва доставал ему до плеча. — Ужасно рад тебя видеть!

— Я тоже, Ромка, — смущенно пролепетал тот. — Я тоже.

Брюнет отпустил его и сделал радушный жест.

— Присаживайся. Что будешь пить, Рафик?

— Водку.

— Отлично. Вот меню, выбирай закуски.

— Я не голоден, — опустил глаза Рафик.

— Все расходы за мой счет. Я угощаю, — успокоил его брюнет, понимая, что промахнулся, назначив Рафику встречу в этом ресторане. Судя по одежде, бывший одноклассник стеснен в средствах. А цены здесь кусаются.

Рафик залился краской, но не отказался.

— Ты, Лавров, преуспеваешь, как я погляжу, — заметил он. — Упакован прилично, и вообще... пынешь здоровьем и благополучием. Женат?

— Пока нет. А ты?

— Жил в гражданском браке, но душа не вынесла. Я волю люблю. И профессия у меня вольная.

— Вот и я свободен, — понимающе кивнул Лавров. — Живу один, работаю начальником охраны в крупной фирме.

— Хорошо платят?

— Мне хватает. Ты что предпочитаешь, мясо или рыбу?

— Заказывай на свой вкус, — робко улыбнулся Рафик.

Лавров подозвал официанта и сделал заказ, недоумевая, чем вдруг вызван интерес бывшего школьного товарища к его персоне. Рафик совершенно неожиданно отыскал его в «Одноклассниках» и написал на электронный адрес. Нужно, мол, срочно встретиться. Важное дело!

Лавров редко заходил в Интернет, не столько из-за отсутствия времени, сколько из лени. На общение в социальных сетях его не хватало. Как-то не пристрастился. Но вчера его потянуло заглянуть в ящик, и он несказанно удивился, обнаружив там письмо от Рафика Грачева, с которым они были в школе не разлей

вода. Правда, сразу после выпускного их дороги разошлись. Рафик пропал из виду, да и Лавров позабыл школьного друга.

Рафик был рассеянным мечтателем и посещал художественный кружок, а Лавров уважал точные науки, занимался спортом и проводил почти все время на свежем воздухе. Трудно сказать, что их объединяло. Вероятно, Рафик нуждался в поддержке и тянулся к разбышке Лаврову, который мог запросто по шее надавать, если кто пристанет.

— Я слышал, ты в милицию подался, — сказал он, глядя, как официант расставляет тарелки на соседнем столике, занятом пожилой парой. Дама достала пачку сигарет, а ее облысевший спутник показал ей на табличку, запрещающую курить.

— Было дело.

— Сам ушел или выгнали? — оторвался Рафик от красивого, породистого лица дамы, которая хотела закурить.

— Сам, — усмехнулся Лавров. — В ментуре хлопот завались, а зарплата с гулькин нос. По мне уж лучше на хозяина пахать, если тот достойно платит.

— Вопрос спорный... — покачал головой Рафик.

— Я для себя определился.

Красивый брюнет прикидывал, кем мог бы работать его визави, одетый дешево, безвкусно и по-клоунски пестро. Зеленая куртка, длинный оранжевый свитер с растянутым воротом и серые дудочки. Вокруг бледного личика вьются рыжие кудряшки, курносый нос покрыт веснушками, губы пухлые, как у девушки. Неужто Рафик избрал актерскую карьеру? В таком случае он подвизается в театре комедии.

Швейцар при входе в ресторан был озадачен видом богемного посетителя, но все-таки впустил его. В обеденное время тут клиентов не густо; каждому, кто заглянет на огонек, рады.

— Ты с кем-нибудь из наших встречаешься? — спросил Рафик, чтобы заполнить возникшую паузу.

— Нет, — признался Лавров. — Я не сентиментален. По школе не скучаю и по прошлому не ностальгирую.

Официант принес заказанное мясо с картошкой, салат и холодную водку. Бывшие одноклассники выпили.

— Я собираюсь тебя попросить о помощи, — осмелел Рафик. — Не откажешь по старой памяти?

— Смотря что просить будешь. Я не бандит, дружище, а законопослушный гражданин.

— Знаю, что не бандит. Ты хоть и драчун, но справедливый.

Лавров так и застыл с наколотым на вилку кусочком сочного стейка.

— Ты считаешь меня драчуном, Рафик? С чего вдруг?

— Это было в школе, — растерялся тот.

— Бить никого не буду, сразу говорю.

— Не надо бить! Не надо! — замахал руками клоун. — У меня и в мыслях ничего такого не было! Ты прости, Рома... я никак не могу решиться. Дело-то уж больно... деликатное. Интимное, можно сказать.

Он налил из графинчика по второй и выпил без тоста. Лавров молча последовал его примеру.

— Так что у тебя за дело? — не выдержал он. — Нетяни. Денег, что ли, в долг хочешь просить? Сколько?

— С деньгами у меня не густо, но в долги стараюсь не влезать. Не о том речь. Человек хороший пострадать может. Женщина. Молодая, красивая и... замужня.

— У тебя с ней роман?

— Нет, что ты. Бог с тобой! Куда мне? Я насчет своей внешности и всего остального не заблуждаюсь. Гадкий утенок лебедице не пара.

— Ой, врешь, — потянулся за водкой Лавров. — У меня чутье. Я же опером был. Давай по третьей?

Рафик комично сморщился и прижал руки к груди.

— Мне больше нельзя. Слаб я по части алкоголя. Окосею и ничего толком не объясню. А с Кольцовой у меня отношения чисто платонические.

— Значит, ее фамилия Кольцова, — констатировал бывший опер.

— По мужу.

— Ясно. Вы в одном театре играете? На одной, так сказать, сцене? Играли, играли и доигрались. А муж — главный режиссер театра?

Рафик ошарашенно захлопал глазами.

— К-какая еще сцена? При чем тут театр?

Лавров сообразил, что дал маху, но отступить он не привык и по инерции продолжил:

— Муж-режиссер пронюхал о вашей платонической любви и грозитя убить сначала жену, потом тебя, а потом пустить себе пулю в лоб?

— Не-е-ет...

— А что же тогда?

Рафик судорожно сглотнул, выпрямился и произнес:

— Я вообще-то художник. А Кольцова — поэтесса. Вернее, была поэтессой... то есть она пишет... писала замечательные стихи. Лирические. Пока не вышла замуж.

— За издателя?

— Хуже. За спортсмена. Мы с ней на поэтическом вечере познакомились. Случайно. Она читала стихи, я выставлял свои картины. Я ведь тоже лирик.

— Значит, вы сошлись на лирической почве, — кивнул Лавров, прожевывая стейк. — Ты ешь, Рафик, а то мясо остынет.

— Я вообще-то вегетарианец, — удрученно признался тот. — Извини, Рома. Ты зря потратился... но я возьму. Чуть позже. Когда получу заказ.

Лавров отложил вилку и с шумом выдохнул. Недотепа его школьный друг! Каким был, таким и остался. Еле концы с концами сводит, а туда же, клеится к чужой жене. Еще и на взаимность рассчитывает. Что самое странное, у него есть шанс. Женщину, бывает, ничем не проймешь, кроме жалости.

— Она настоящая красавица! — восхищенно заявил Рафик. — И умница, каких мало. Я бы ее портрет написал. Но увы! Мой жанр — пейзажи и натюрморты.

«На его картины, наверное, без слез не взглянешь, — подумал Лавров, представляя полевые цветочки в вазах, зеленые лесные полянки и мостики через речку. — Как и на самого бедолагу Грачева. Не ожидал, что он станет художником. Хотя кем ему еще быть-то? Публику смешить? Для этого характер нужен, а Рафик размазня».

— Так в чем проблема, не пойму?

— Проблема? В том, что... Алина может погибнуть.

— Ее зовут Алина, — кивнул Лавров, снова принимаясь за еду. — Значит, муж у Алины — злобный ревнивец? И ты хочешь, чтобы я его усмирил. Извини, старик, это не по моей части.

Рафик не притрагивался к мясу, он без аппетита ковырял вилкой ломтики картофеля и жалобно поглядывал на собеседника.

— Вообще-то, с мужем Алины я не знаком. Бог с ним. Дело в другом...

Разговор с бывшим школьным товарищем тяготил Рафика. Но к кому еще он мог обратиться? Лавров хоть выслушает и что-нибудь посоветует.

Ромка невозмутимо поглощал свою порцию еды, более не выказывая нетерпения. Он всегда имел крепкие нервы и железные мышцы. Теперь он возмужал, обрел уверенность в себе и стал неотразим. По сравнению с ним Рафик выглядел не просто субтильным, а каким-то жалким доходягой. Разница между ними была разительная и привлекала внимание. Дама, которой не позволили курить, развлекалась, наблюдая за бывшими одноклассниками.

Рафик наклонился вперед, чтобы она не услышала его слов:

— Видишь ли, Рома... у каждого человека есть идеал красоты. Вот у тебя есть?

Лавров перестал жевать и задумчиво сдвинул брови.

— Должно быть, есть...

— И у меня есть! Это Алина! Она... ты не представляешь, как она хороша. И при том не тупая кукла,

а человек тонкой души. Она покорила меня как художника. Очаровала! Она вдохновляет меня, если хочешь знать.

— Алина — твоя Муза?

— Можно сказать, да. У меня был кризис, творческий застой, а она...

— ...явилась и зажгла? — засмеялся Лавров.

— В принципе ты прав. Благодаря ей я снова взялся за кисть. Готовлюсь к выставке.

— А супругу Музы это не нравится? Он требует, чтобы Алина вдохновляла только его и никого больше?

Рафик неистово помотал головой.

— Муж ничего не подозревает. То есть... это не то, что ты думаешь. Между мной и Алиной — чисто духовная связь. Никакой физики! Клянусь.

Лавров все еще не разобрался, в чем суть вопроса. И прямо заявил об этом Рафику. Тот страшно разволновался, покраснел, а его веснушки потемнели.

— У меня мастерская в мансардном этаже, под крышей жилого дома, — пробормотал художник. — Одному мне такое помещение оплачивать не по карману. Мы арендуем его вдвоем с Артыновым. Слышал о таком?

— Нет.

— Как же?! Семен Артынов, его популярность растет, как на дрожжах. А не так давно он занимал у меня на хлеб. Был неудачником, мы вместе перебивались на гроши, жаловались один другому на невезуху. Но теперь все изменилось. У него пошли заказы, появились деньги. Признаюсь, я ему завидовал... грешен. Чем, думаю, я хуже Семы? Талантом нас природа обделила одинаково, а он сумел судьбу перебороть, переломать. Я на месте топчусь, а он процветает. Что ни полотно — то шедевр. Ей-богу! Я не вру! Краски у него засияли по-новому, мазок стал смелый, чистый и точный. Раньше Сема напишет картину и показывает мне: оцени, мол. Я гляжу — вроде все неплохо, но тускло, безжизненно. И ругать неловко, и хвалить язык не пово-